

УДК 343.431

Е.А. Коротич

ОБ ОПТИМИЗАЦИИ КОНСТРУКЦИИ НОРМЫ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБСКОГО ТРУДА (СТ. 181-1 УК)

В настоящей статье на основе теоретико-правового исследования проблемы уголовно-правовой охраны личной свободы человека определены основные причины появления в уголовном законе Республики Беларусь ст. 181-1, предусматривающей ответственность за использование рабского труда. Логико-грамматическое толкование нормы ч. 1 ст. 181-1 УК позволило выявить как достоинства принятого законодательного решения в части описания признаков основного состава указанного преступления, так и недостатки законодательного регулирования в данной области. В результате проведенного исследования автором сформулированы рекомендации относительно устранения отмеченных недостатков нормы ч. 1 ст. 181-1 УК и предложены направления оптимизации законодательного определения рассмотренного преступления (как относительно формального обозначения, так и содержательной характеристики признаков его состава).

Введение

На основании Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 451–З «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции» гл. 22 Уголовного кодекса (далее – УК) была дополнена ст. 181-1 «Использование рабского труда». Появление в отечественном уголовном законодательстве нормы, предусматривающей ответственность за указанную форму эксплуатации человека, с нашей точки зрения, обусловлено рядом обстоятельств, среди которых следует особо подчеркнуть реализацию на внутригосударственном уровне принятых Республикой Беларусь международных обязательств в области борьбы с торговлей людьми, рабством, эксплуатацией человека.

Следует отметить, что проблема создания надлежащих правовых оснований для противодействия рабству, эксплуатации человека находится в центре внимания международного сообщества достаточно давно: по словам специалистов в сфере международного права, именно рабство стало «первой проблемой в области прав человека, вызвавшей серьезную международную обеспокоенность» [8, с. 27]. Несмотря на принимаемые государствами усилия для искоренения указанного явления, в мире, по оценкам экспертов, насчитывается более 200 млн. человек, оказавшихся в состоянии рабства и подвергшихся той или иной форме эксплуатации [10, с. 22]. Безусловно, указанная цифра не является результатом строгого статистического обобщения, что объясняется и высоким уровнем латентности исследуемого явления, и множественностью субъектов такого обобщения, и, наконец, отсутствием в международном праве строгих критериев демаркации рабства и сопряженных с ним явлений. Тем не менее сообщения СМИ, а также результаты специальных исследований, проводимых как учеными, так и неправительственными организациями, определенно указывают на то, что число лиц, обращенных в рабство или подневольное состояние, подвергшихся различным формам эксплуатации, является достаточным для того, чтобы заключить о тенденции «архаизации и деградации трудовых и в целом всех общественных отношений» [12, с. 64].

Научный руководитель – В.В. Марчук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Белорусского государственного университета

Внутригосударственная реализация международных обязательств в сфере борьбы с эксплуатацией человека, включая использование рабского труда, является существенной, однако далеко не единственной причиной появления в УК Республики Беларусь нормы об ответственности за использование рабского труда. Подтверждением сказанному является, в частности, то обстоятельство, что Республика Беларусь еще до обретения суверенитета и независимости фактически являлась участницей международного сотрудничества и носителем соответствующих обязательств в исследуемой области, однако норма об ответственности за подобное деяние появилась в отечественном уголовном законе лишь в 2008 г.

С нашей точки зрения, данное обстоятельство не свидетельствует о запоздалом характере законодательного реагирования, а является, скорее, следствием отсутствия на определенном этапе общественно-политического развития нашего государства необходимых социальных оснований для криминализации такого рода посягательства на личную свободу человека.

И, наконец, появление в уголовном законе нормы об ответственности за использование рабского труда и иные формы эксплуатации человека, по нашему мнению, было продиктовано необходимостью придать уголовно-правовой борьбе с торговлей людьми, которая реализуется в рамках Государственной программы противодействия торговле людьми, нелегальной миграции и связанным с ними противоправным деяниям 2008–2010, 2011–2013 гг., характер формально-логической завершенности. Как показывает анализ материалов уголовных дел, обобщение данных СМИ, а также результатов доктринальных исследований, обращение человека в рабство или подневольное состояние с последующим незаконным использованием его труда или физиологических свойств организма, иная форма эксплуатации в большинстве случаев являются следствием и конечной целью совершения действий, связанных с торговлей людьми.

Говоря о качестве нормативного описания признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181-1 УК, нельзя не отметить определенную рациональность принятого законодательного подхода. Во-первых, структурное обособление нормы об ответственности за использование рабского труда в рамках отдельной статьи уголовного закона указывает на то, что законодатель разграничивает понятия «торговля людьми» (в том числе в целях их эксплуатации) и собственно «эксплуатация человека», смешение которых характерно для норм международного права, а также ряда доктринальных исследований [11, с. 157–158].

Во-вторых, в процессе имплементации норм международного уголовного права, запрещающих использование рабского труда и иные формы эксплуатации человека, белорусский законодатель не воспользовался российским опытом инкорпорации данных норм, а пошел по пути их модификации с учетом имеющихся уголовно-правовых запретов, специфики социальных оснований криминализации и принципов юридической техники национального уголовного закона. Как представляется, именно это обстоятельство позволило избежать тех недостатков, которые характерны для уголовно-правового запрета, предусмотренного нормой ст. 127² УК РФ, и которые стали предметом острой критики на страницах российской юридической печати, а также в рамках специальных диссертационных исследований [1, с. 4; 2, с. 17–18; 12, с. 65]. Не случайно, признавая практическую значимость конвенционного определения рабства и эксплуатации, специалисты в области международного права подчеркивают, что для «уголовного закона, это, мягко говоря, не очень четкая характеристика» [9, с. 107].

В-третьих, в УК Республики Беларусь (ч. 1 ст. 181-1) в отличие от ряда зарубежных государств (например, ст. 127² УК РФ или ст. 167 УК Республики Сан-Марино) уголовно-правовым запретом охватывается не только использование рабского труда, но и иные формы эксплуатации человека, что позволяет говорить о более высокой сте-

пени интегрированности международных стандартов в области охраны личной свободы человека в национальный правовой порядок.

И, в-четвертых, весьма рациональным представляется включение в диспозицию ч.1 ст. 181-1 УК негативного признака – указания на отсутствие в содеянном признаков преступления, предусмотренного ст. 181 УК Республики Беларусь. Учитывая международную составляющую нормы ст.181-1 УК и присущую международному праву значительную нечеткость в части содержательной характеристики таких явлений, как торговля людьми, эксплуатация, рабство, включение названного признака в определение рассматриваемого состава преступления является, по словам белорусского ученого В.В. Марчука, «важным условием применения статьи 181¹ УК» [7, с. 68].

Как было указано выше, норма об ответственности за использование рабского труда появилась в уголовном законе Республики Беларусь относительно недавно, что и объясняет отсутствие научно обоснованных данных о практике применения этой нормы и социальной эффективности предусмотренного ею уголовно-правового запрета. Несмотря на это обстоятельство, а также отмеченные нами достоинства законодательного подхода к криминализации использования рабского труда и иных форм эксплуатации человека, логико-грамматический и системный анализ нормативного определения признаков исследуемого состава преступления дает основание утверждать о наличии ряда недостатков как содержательного, так и технико-юридического характера. К числу таковых мы склонны относить следующие:

1. Формальное обозначение рассматриваемого преступления не в полной мере соответствует содержательной характеристике признаков объективной стороны его состава: несмотря на то, что в названии статьи достаточно четко определено функциональное назначение закрепленной в ней нормы – установление под угрозой уголовной ответственности запрета на использование рабского труда, т.е. одной из форм эксплуатации человека, – в диспозиции ч. 1 ст. 181-1 УК криминализации подвергнуты все формы ее проявления. Иными словами, вопреки законам формальной логики законодателем предпринята попытка определения целого посредством указания на признаки частного. С тем чтобы устранить отмеченное логическое несоответствие, представляется целесообразным сформулировать более широкое обозначение рассматриваемого преступления, учитывающее уголовно-правовой запрет всех форм эксплуатации человека (например, «эксплуатация человека» либо «незаконное принуждение к труду или иная форма эксплуатации» и т.д.), и отразить соответствующее изменение в названии указанной статьи.

2. Диспозиция нормы ч. 1 ст. 181-1 УК по характеру описания признаков объективной стороны состава преступления является ссылочной: устанавливая запрет на все формы эксплуатации человека, т.е. по сути запрещая эксплуатацию как таковую, законодатель адресует правоприменителя к положениям ч. 1 примечаний к ст. 181 УК. Однако, учитывая то обстоятельство, что рабство, формы эксплуатации человека в нормах уголовного закона, как, впрочем, и в иных актах белорусского законодательства, не конкретизируются, для определения признаков данных явлений необходимо обращение к соответствующим нормам международного права. Последнее обстоятельство, в свою очередь, дает основание говорить не только о ссылочном, но и бланкетном характере диспозиции ч. 1 ст. 181-1 УК. Как представляется, такая сложная по технике описания уголовно-правового запрета диспозиция ч. 1 ст. 181-1 УК существенно затрудняет понимание признаков объективной стороны рассматриваемого состава преступления, что чревато серьезными правоприменительными погрешностями. Причем данные погрешности могут стать следствием не только неготовности сотрудников правоохранительных органов работать с международными документами (учитывая то обстоятельство, что нормы международного уголовного пра-

ва не имеют характера самоисполнимых норм, такая работа, в принципе, не обязательна), но и недостатками международно-правового толкования сущности и содержания эксплуатации человека и составляющих ее элементов.

Подтверждением сказанному является, в частности, следующее. Согласно п. «а» ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., эксплуатация человека включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов. Принятый в конвенционном определении способ перечисления различных составляющих указанного понятия дает основание предположить, что именно эти составляющие и есть искомые формы эксплуатации человека. К иному выводу приходит российский ученый Т. Матвеева: основываясь на анализе и обобщении ряда международных документов, принятых под эгидой ООН, автор, напротив, полагает целесообразным рассматривать эксплуатацию детского труда, сексуальную эксплуатацию, долговую кабалу и некоторые иные формы проявления потребительского отношения к человеку в качестве форм современного рабства [8, с. 29–32]. Совершенно иное видение родовой принадлежности исследуемых понятий представлено в Глобальном докладе МОТ: рабство, похищение человека, кабальный труд, долговая кабала, наряду с принудительным трудом в армии и иными подобными явлениями, названы в качестве основных форм принудительного труда [3, с. 1].

В контексте сказанного представляется целесообразным конкретизировать содержание таких понятий, как «рабство», «институты и обычаи, сходные с рабством», «формы эксплуатации человека», которыми оперирует уголовный закон Республики Беларусь, в специальном акте официального судебного толкования.

3. Дополнение гл. 22 УК Республики Беларусь нормой об ответственности за использование рабского труда и законодательное определение признаков объективной стороны состава данного преступления страдает определенной логической непоследовательностью: для того, чтобы использовать труд человека, находящегося в рабском состоянии, необходимо создать такого рода состояние, т.е. обратить потерпевшего в рабство. Характерно, что опыт криминализации подобного посягательства на свободу человека известен уголовному законодательству ряда зарубежных государств (например, ст. 167 УК Республики Сан-Марино; ст. 140 УК Республики Аргентина; § 225 УК Королевства Норвегия, ч. 2 § 104 УК Австрийской Республики и др.).

Как показывают материалы СМИ, способом завладения человеком в целях его эксплуатации в ряде случаев является совершение действий, связанных с торговлей людьми или похищением человека, которые криминализированы уголовным законом Республики Беларусь в качестве самостоятельных посягательств на личную свободу (ст.ст. 181, 182 УК). Однако связь указанных преступлений с обращением человека в рабство или подневольное состояние, равно как и удержанием потерпевшего в таком состоянии, весьма опосредованная, что, как представляется, не позволяет охватить все возможные способы «порабощения» человека. В контексте сказанного определенный интерес представляет точка зрения российских ученых Л.Л. Кругликова и Е.А. Кисловой, по мнению которых обращение человека в рабство, являющееся «первичным звеном» в «цепочке работорговли» [4, с.121], целесообразно рассматривать в качестве «относительно самостоятельной формы преступления» [4, с. 120].

Поскольку совершение указанного выше деяния, как правило, не является самоцелью поведения виновного лица, оно лишь создает необходимые условия для незаконного использования потерпевшего в целях извлечения выгоды (эксплуатации человека), можно заключить о наличии тесной связи между обращением человека в рабство

или подневольное состояние и его последующей эксплуатацией, в связи с чем представляется целесообразным обе формы противоправного поведения предусмотреть в рамках единого уголовно-правового запрета. Вместе с тем, учитывая то обстоятельство, что в практическом отношении способом обращения человека в рабство (подневольное состояние) в целях последующей эксплуатации в ряде случаев может быть совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 181 и 182 УК, подлежащих самостоятельной уголовно-правовой оценке, полагаем целесообразным распространять действие предлагаемого уголовно-правового запрета в отношении тех деяний, которые не содержат признаков указанных преступлений.

4. Признавая социальную значимость факта криминализации использования рабского труда, иных форм эксплуатации человека, мы в то же время не можем согласиться с законодателем в части пенализации данного преступного посягательства. Как представляется, при формулировании санкций нормы ст. 181-1 УК был нарушен принцип взвешенности соотношения меры уголовной ответственности с характером и степенью общественной опасности рассматриваемого преступления. Сказанное подтверждается, в частности, тем обстоятельством, что, несмотря на высокую степень общественной опасности, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 181-1 УК, отнесено законодателем к категории менее тяжких преступных посягательств. Между тем в системе преступлений против личной свободы именно данное преступное деяние сопряжено с проявлением наиболее архаичной формы потребительского отношения к человеку, для которой *ipso facto* присуще уравнивание статуса человека с правовым режимом объектов вещных и обязательственных прав. Лицо, оказавшееся в состоянии рабства, не только не имеет возможности распоряжаться результатами своего труда, но и само становится объектом распоряжения. В аксиологическом аспекте использование рабского труда характеризуется тем, что труд перестает быть «для человека», а человек, в свою очередь, превращается в средство «для труда» (услуг), когда труд (услуга) не является предметом его свободного выбора, способом удовлетворения материальных потребностей, основой индивидуального развития и самореализации человека. В связи с этим совершение преступления, предусмотренного ст. 181-1 УК, помимо ограничения личной свободы потерпевшего, закономерно влечет нарушение права на труд, включая право на свободный выбор рода занятий и на безопасные условия труда.

Полагаем, что рассматриваемое преступление ставит под угрозу причинения вреда и иные объекты уголовно-правовой охраны. Поясним наше суждение. По справедливому замечанию белорусского ученого В.В. Марчука, «важным условием для констатации использования рабского труда является зависимое состояние потерпевшего от виновного лица» [7, с. 67]. Исходя из специфики юридической природы рассматриваемого преступления и смысла уголовного закона, состояние зависимости достигается, главным образом, посредством насильственного воздействия на потерпевшего (речь идет о применении так называемого «инструментального насилия»). Данное обстоятельство, а также криминализация в рамках ст. 181-1 УК иных форм эксплуатации человека (к числу которых могут быть отнесены, в частности, незаконное использование потерпевшего для проведения медико-биологических экспериментов, использование физиологических свойств организма человека для применения репродукционных технологий и т.д.), дают основание заключить, что совершение рассматриваемого преступления может быть сопряжено с нарушением права человека на жизнь и здоровье, а также личную неприкосновенность. При этом независимо от формы эксплуатации, которой подвергается потерпевший, и используемого виновным способа удержания последнего в состоянии зависимости совершение преступления, предусмотренного ст. 181-1, всегда сопряжено с нарушением права на уважение человеческого достоинства.

Отмеченная множественность объектов причинения вреда наряду с международным характером исследуемого посягательства, присущим ему сложным объективным содержанием и тяжестью основного преступного последствия – утратой потерпевшим состояния личной свободы, – определенно указывают на высокую степень общественной опасности рассматриваемого преступления и подчеркивают необоснованность позиции законодателя в части наказуемости данного преступного деяния. Подтверждение ошибочности такой позиции усматривается и в том, что торговля людьми в форме купли-продажи или совершения иных сделок в отношении человека, не преследующая цели эксплуатации потерпевшего (ч. 1 ст. 181 УК), в отличие от собственно эксплуатации признана уголовным законом тяжким преступлением (причем, вполне обоснованно), а действия, связанные с похищением человека в целях эксплуатации (п. 4 ч. 2 ст. 182 УК), оцениваются законодателем в качестве особо тяжкого преступления.

В контексте сказанного представляется целесообразным изменить законодательный подход к категоризации преступления, предусмотренного ст.181-1 УК, признав рассматриваемое посягательство в части основного и квалифицированного состава тяжким преступлением против личной свободы человека, а при наличии особо квалифицирующих признаков, закрепленных ч. 3 ст. 181-1, – особо тяжким посягательством.

5. Определенные замечания вызывает законодательная формулировка одной из форм эксплуатации человека – использования рабского труда.

На основании обобщения теоретических и эмпирических данных по исследуемой проблеме возможные формы эксплуатации человека могут быть в обобщенном виде представлены следующим образом:

а) эксплуатация физических и/или интеллектуальных способностей человека, его знаний, умений, навыков для осуществления какого-либо рода деятельности;

б) эксплуатация физиологических свойств и/или функций организма человека (следует отметить, что данная форма эксплуатации появилась относительно недавно и стала возможной благодаря прогрессу в медицине и биотехнологиям, которые могут использоваться с целью «осуществлять множество манипуляций с телом человека» [5, с. 5];

в) сексуальная эксплуатация как разновидность предыдущей формы эксплуатации, которая в силу определенной специфики и широкого распространения может быть названа в качестве самостоятельной формы ее проявления.

По смыслу уголовного закона, названные формы эксплуатации осуществляются в отношении лица, которое в силу пребывания в рабском или ином зависимом состоянии не может отказаться от выполнения определенной субъектом преступления работы (услуги). В контексте сказанного, а также представленных форм эксплуатации становится очевидным то обстоятельство, что законодатель, уделяя особое внимание такой форме, как эксплуатация труда, в то же время необоснованно сузил ее содержание, ограничившись запретом использования только рабского труда. Рабство, определяемое в международном праве как состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них (ст. 1 Конвенции о рабстве 1926 г.), характеризует положение потерпевшего, подвергающегося эксплуатации, и раскрывает форму (степень) зависимости от субъекта преступления.

Помимо рабства, отношения зависимости могут быть обусловлены применением к потерпевшему обычаев, сходных с рабством, к числу которых Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (1956 г.), относит долговую кабалу, крепостное состояние, а также любой институт или обычай, в силу которых: а) женщину обещают выдать или выдают замуж (без права отказа с ее стороны), ее родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой; б) муж женщины, его семья

или его клан имеют право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом; в) женщина после смерти мужа передается по наследству другому лицу; любой институт или обычай, в силу которого ребенок или подросток моложе восемнадцати лет передается одним или обоими своими родителями или своим опекуном другому лицу за вознаграждение или без такового с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда (ст. 1). Как и рабство, подневольное состояние, включающее в себя названные институты и обычаи, предполагает «некоторое зависимое положение лица от воли другого» [6, с. 183], и так же, как и рабство, формой эксплуатации оно не является. Таким образом, конкретизируя уголовно-правовой запрет в части описания статуса потерпевшего относительно одной из форм эксплуатации человека – использования рабского труда – и применяя для характеристики остальных проявлений эксплуатации человека конструкцию «иная форма эксплуатации» (надо полагать, не связанная с принуждением к труду), законодатель фактически исключил из сферы действия нормы ст. 181-1 УК случаи использования труда человека, находящегося в подневольном состоянии. По всей видимости, подобный пробел уголовного закона является исключительно дефектом юридической техники, для устранения которого представляется необходимым изложить анализируемую законодательную конструкцию в следующей редакции: «использование принудительного труда или иная форма эксплуатации человека, находящегося в рабском или подневольном состоянии».

Учитывая отмеченные выше недостатки нормативного описания признаков состава преступления, предусмотренного ст. 181-1 УК, полагаем целесообразным сформулировать диспозицию ч. 1 ст. 181-1 следующим образом: «Использование принудительного труда или иная форма эксплуатации человека, находящегося в рабстве или подневольном состоянии, а равно обращение человека в такое состояние, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 181 и 182 настоящего Кодекса».

Заключение

Появление в уголовном законе Республики Беларусь нормы об ответственности за использование рабского труда (ст. 181-1) отвечает требованиям охраны личной свободы человека на современном этапе развития общества и государства. Однако содержание уголовно-правового запрета, предусмотренного ч. 1 ст. 181-1 УК, не позволяет в полной мере реализовать превентивную и охранительную функцию уголовного закона в части противодействия эксплуатации человека и обращения его в рабство или подневольное состояние. С тем чтобы устранить данный недостаток закона, представляется целесообразным изложить диспозицию ч. 1 ст. 181-1 УК в следующей редакции: «Использование принудительного труда или иная форма эксплуатации человека, находящегося в рабстве или подневольном состоянии, а равно обращение человека в такое состояние, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 181 и 182 настоящего Кодекса». Помимо изменения содержательной характеристики признаков основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181-1 УК, требуется и корректировка его формального обозначения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Ю.Ю. Использование рабского труда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.Ю. Акимова; ГОУ «Российская академия правосудия». – Тюмень, 2010. – 18 с.
2. Бирик, О. Проблемы соотношения международного и российского уголовного права / О. Бирик // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 15–20.

3. Электронная версія бюлетеня «Население и общество» // Демоскоп Weekly. – 24 октября – 7 ноября 2004. – № 175–176. – С. 1–5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0175/biblio01.php>. – Дата доступа: 06.06.2005.
4. Кислова, Е.А. Уголовно-правовые средства противодействия рабству и торговле людьми: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Е.А. Кислова. – М., 2005. – 170 л.
5. Майфат, А.Ф. Тело человека, его отдельные части как объекты правового воздействия (некоторые предложения для обсуждения) / А.Ф. Майфат, А.В. Лисаченко // Юридический мир. – Февраль, 2002. – С. 4–9.
6. Марахтанова, Е.А. Преступления против свободы личности: вопросы законодательной регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Е.А. Марахтанова. – Самара, 2006. – 249 л.
7. Марчук, В.В. О квалификации использования рабского труда / В.В. Марчук // Веснік ГрДУ. Серыя 4. – 2009. – № 3. – С. 66–70.
8. Матвеева, Т. Рабство в XXI веке / Т. Матвеева // Международная жизнь. – 2002. – № 2. – С. 27–37.
9. Международное уголовное право. / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М. : Наука, 1995. – 172 с.
10. Проблема торговли людьми: вымысел или реальность / Представительство ООН в Беларуси. – Минск : Кампания «Жизнь без насилия», 2001. – 80 с.
11. Торговля людьми. Социокриминологический анализ. / Под. общ. ред. Е.А. Тюрюкановой и Л.Д. Ерохиной. – М. : Academia, 2002. – 224 с.
12. Тринчук, В.М. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в сфере трудовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / В.М. Тринчук. – Омск, 2006. – 224 л.

Korotich E.A. On the Optimization of the Norm Design Providing the Responsibility for Using of a Slave Labour (art. 181-1 Criminal Code)

On the basis of theoretic-legal research of the problem the personal freedom protection the main reasons of the appearance in Criminal Code of the Republic of Belarus art. 181-1, providing responsibility for using of the slave labour, are determined in the article. The logical-grammatical interpretation of the norm of p. 1 art. 181-1 has allowed revealing both a value of the accepted legislative decision in a part of the description the basic structure signs of the specified crime, and the defects of the legislative regulation in the given area. On the basis of the conducted research the recommendations concerning to the elimination of the lacks of norm noted in p. 1 art. 181-1 of Criminal Code are formulated and directions of the optimization the legislative definition of the considered crime (as formal indication the crime under research, and the substantial characteristic of its structure signs) are offered.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.04.2011